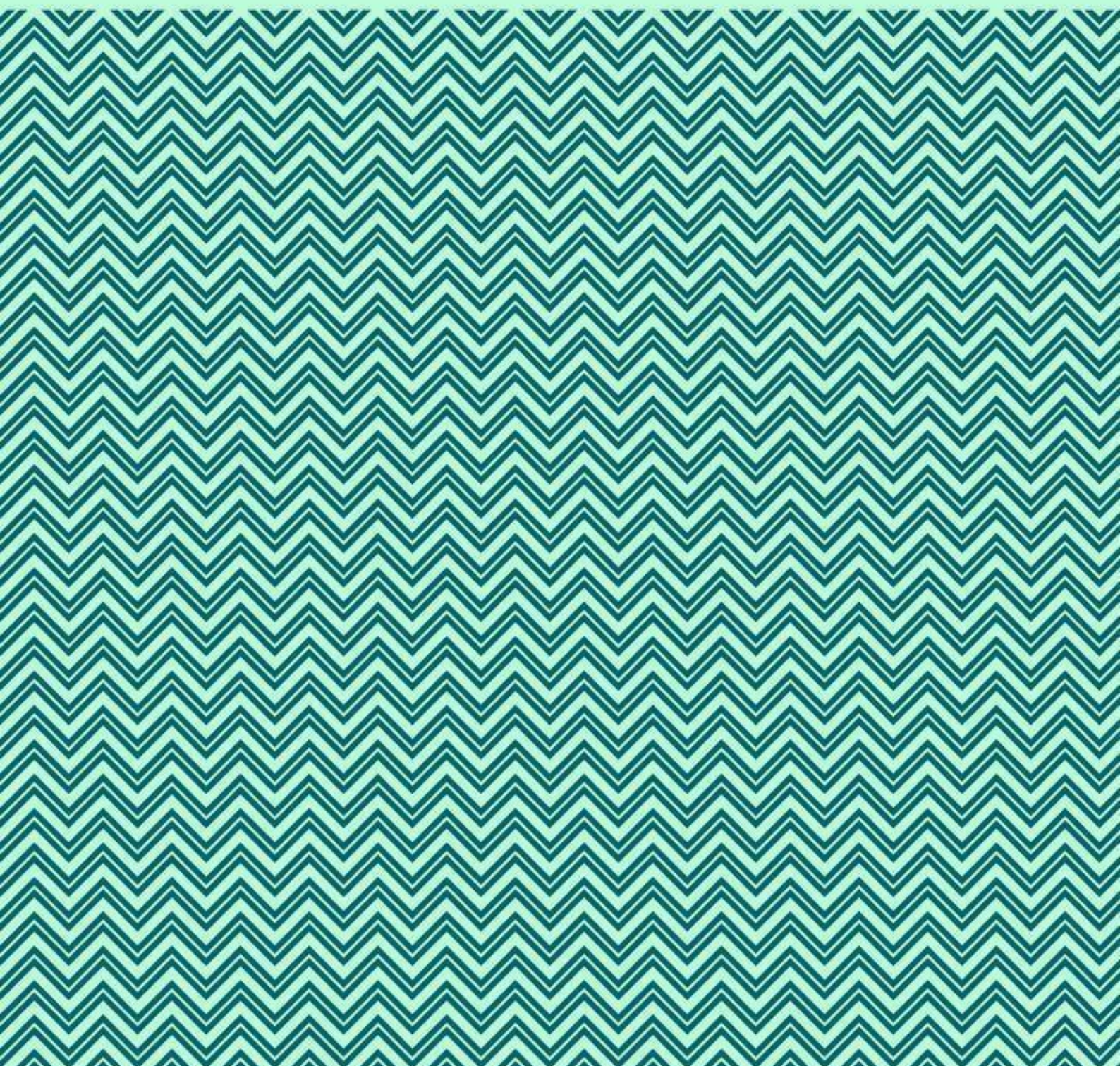

18+

Арина Лорель

Театр мертвых голосов

Арина Лорель

Театр мертвых голосов

«Издательские решения»

Лорель А.

Театр мертвых голосов / А. Лорель — «Издательские решения»,

«Театр мертвых голосов» — это атмосферный психологический хоррор о том, как творчество становится одержимостью, а искусство — клеткой. Роман о цене голоса, о памяти, которую мы прячем в подвалах сознания, и о том, что иногда самое смелое, что может сделать человек, — это промолчать.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

театр мертвых голосов	6
Глава 1. Кулисы забвения	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Театр мертвых голосов

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-3796-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

театр мертвых голосов

Пролог. Занавес

****Запись из дневника Хозяина, осень 1983:****

*«Я нашёл частоту. Не ноту — нет, но чистый срез между звуками. Если повторить слово, как заклинание, ровно сто двадцать восемь раз, стены начинают не дрожать, а петь в лад с моей кровью. Это не игра воображения. Это ключ. Я чувствую, как доски пола под моими ступнями становятся тоньше, будто между мной и подвалом остаётся лишь кожа. Ещё немного — и я шагну сквозь. Навечно». *

— Что ты делаешь?

Девочка лет восьми стояла на пороге мастерской. В руках она сжимала старую куклу — фарфоровую голову без тулова, с выщербленной улыбкой, прикрученную проволокой к обрубку деревянной руки. Её глаза — чересчур большие, чересчур тёмные, без белков, как у зверька, вынутого из норы, — впились в того, кто склонился над рабочим столом.

Стол был залит чернилами. Листы бумаги, испещрённые дивными, ломаными знаками, лежали стопами, придавленные подсвечниками и ржавыми инструментами для правки подмостков. Некоторые листы корчились от сырости, другие, напротив, горели сухостью, и чернила на них казались не нанесёнными, а *выжженными*.

Хозяин обернулся. Ему было под сорок, но время обошлось с ним жестоко: седина в чёрных волосах лежала не прядями, а каким-то инеевым налётом, глубокие борозды на щеках прорезали лицо, точно следы от когтей. Пальцы его — вечно дрожащие — то ли от вечной спешки, то ли от неотступного страха, — держали гусиное перо, обмакнутое в багрянец.

— Я строю мост, Алиса. — Голос его был сух и щекочущ, как шорох кулис. — Мост между этим миром и тем, который мы рожаем здесь, на подмостках. Между зрительным залом и пустотой за ним. Между тем, что ты видишь, и тем, что видит кукла, когда ты отворачиваешься.

Девочка переступила с ноги на ногу. Пол под ней скрипнул — не как обычно, а жалобно, почти по-человечьи.

— Мост, чтобы уйти? — переспросила она.

Он засмеялся — тихо, без единой радости, тем смехом, каким смеются люди, знающие то, что другим знать не дано.

— Нет, малая. — Он подошёл к ней, присел на корточки. Его рука, пахнувшая сургучом и сырым деревом, взяла её за подбородок. Он заставил её смотреть прямо в свои зрачки — и в них, как в двух тёмных зеркалах, отразились две крошечные девочки с куклой. — Чтобы остаться. Навечно. Не умереть, не исчезнуть в небытии, а остаться здесь, за кулисами, в этом гуле и сквозняке. Играть без конца.

Она не отводила взгляда. Она уже привыкла не бояться его — только странного, тягучего покоя, который разливался в груди, когда он говорил с ней так, будто они были заодно.

— Ты хочешь остаться со мной? — спросил он. — Ты хочешь никогда не ложиться спать? Никогда не вырастать? Никогда не прощаться?

Девочка кивнула. Кукла в её руках качнула оторванной головой в такт.

— Тогда ничего не страшись. — Его пальцы сжались чуть сильнее, почти до боли. — Даже когда будет больно. Даже когда будет жутко. Потому что это — единственный способ вырваться из череды дней, которая кончается одной и той же тьмой. Это цена за то, чтобы стены пели для тебя, а не хоронили.

Она не поняла тогда. Ей было восемь. Она знала лишь, что Хозяин никогда не лжёт, потому что ложь — это для зрителей, а они, двое, были по ту сторону занавеса.

Через три дня она лишилась голоса. Не охрипла — именно *лишилась*, будто кто-то вынул из гортани тонкую медную струну и унёс.

Но ночью, когда театр погружался в синий полумрак, она прижималась ухом к стене своей гримёрной и слышала, как доски поют. Они гудели низко, протяжно, переключаясь друг с другом, и в этом гуле она различала одно-единственное слово — то самое, которое он твердил сто двадцать восемь раз. Слово, которое теперь стало её дыханием.

За стеной Хозяин стоял перед пустым креслом зрительного зала и улыбался. Потому что мост начал дышать.

****Занавес.****

Глава 1. Кулисы забвения

****Уральск, осень 2026 года.****

Алиса Горская стояла перед серой громадой бывшего зрелищного дома имени Ленинского комсомола и чувствовала, как немеют подушечки пальцев.

Это чувство всегда накатывало, стоило ей переступить порог места, где когда-то вершилось что-то важное. Но сейчас дрожь была иной — не предвкушение, а глухой, вязкий страх, который полз от кончиков пальцев к запястьям, перебирался на плечи и сжимал грудную клетку так, что сердце начинало биться чаще, сбивчивее, словно оно тоже боялось чего-то впереди.

Осень в Уральске выдалась ранней и злой. Листья с тополей облетели ещё в начале сентября, и теперь голые ветви чернели на низком, свинцовом небе. Воздух пах сыростью, ржавчиной и чем-то сладковато-горьким — то ли прелыми листьями, то ли самым временем, которое здесь, на окраине города, текло не вперёд, а вглубь, оседая на стенах мхом и плесенью.

Здание было мертво.

Эту смерть Алиса ощущала каждой клеткой: в выщербленных ступенях, в забитых досками проёмах окон, в облупившейся штукатурке, под которой проглядывала старая кирпичная кладка, будто кости под кожей. Над дверью — той самой, чёрной, зияющей, как раскрытый рот, — ещё держалась вывеска. Ржавые буквы складывались в слова: «Вишнёвый сад». Ниже, мельче: «Представление Волкова. Последняя игра». И дата, выведенная белой краской, — 1984 год.

Алиса сглотнула. В горле пересохло.

Она вынула из кармана свою писальную доску — плоский кусок тёмного дерева с меловой поверхностью, — и быстрым, привычным движением вывела несколько слов. Повернула доску к спутнику.

— *Я просила тебя не ехать.*

Денис — её помощник и единственный, кто согласился работать с немой устроительницей зрелищ, — тяжело вздохнул. Это был высокий, широкоплечий мужчина лет тридцати, с добрым, но усталым лицом и вечными рыжеватыми усиками, которые он то ли отращивал для важности, то ли просто забывал сбрить. Он носил старый клетчатый плащ, насквозь пропахший табаком и бензином — они добирались на попутном возке из соседнего городка.

— Алис, — сказал он негромко, — это дело. Ты сама подписала рядную грамоту. Городская управа дала деньги на починку. Это твой случай.

— *Мой случай — сидеть в малом зрелищном доме в Питере и ставить детские игры*, — начертала она. — *А не ехать в глушь воскрешать то, что должно быть мертво.*

— Но ты же согласилась, — повторил он.

Она не ответила. Потому что сама до конца не ведала, почему согласилась. Тот звонок из управы — сбивчивый, почти испуганный голос чиновника: «Здание в Уральске. Зброшено. Срочно требуется устроитель зрелищ. Говорят, у вас есть дар работать с местами, где что-то случилось». Она тогда подумала: просто работа, просто заказ. Но внутри, где-то глубоко, что-то дрогнуло — словно струна, натянутая много лет назад и забытая, вдруг зазвенела.

Теперь, стоя здесь, она поняла: это никогда не было «просто» ни для неё, ни для этого здания.

Здание дышало.

Она слышала это не ушами — уши улавливали лишь завывание ветра в разбитых стёклах да редкий скрип флюгера на крыше. Но костями, позвонками, самым нутром она ощущала ровный, глубокий лад, исходивший из-под земли. Будто там, в основании, под подвалом, билось огромное сердце — медленно, мощно, не сбиваясь с такта. И каждый удар отдавался у неё в затылке, в кончиках пальцев, в том месте, где когда-то был голос.

Она потеряла голос в восемь лет. Врачи говорили о потрясении, о странном воспалении связок, но никто так и не нашёл правды. Алиса помнила только ночь, тёплый бок куклы, которой она прижималась к уху, и звук — низкий, певучий гул, доносившийся из стен. Наутро она проснулась беззвучной. И с тех пор говорила только доской.

— Ты чего? — Денис коснулся её локтя. — Лица на тебе нет. Побелела как мел.

Она качнула головой, отступила на шаг — подошвы её сапог скользнули по мокрым плитам, и она едва не пошатнулась. И в тот самый миг из чёрного провала входной двери вырвалась стая птиц.

Ворон. Чёрных, крупных, с маслянистым блеском на крыльях. Их было не счесть — они вылетали густой, сплошной струёй, молча, без единого карканья, и разворачивались в небе широкой дугой, облетая Алису по кругу, будто не решаясь коснуться её даже тенью. Некоторые птицы были так близко, что она слышала свист их перьев и чувствовала холодный, сухой воздух, который они гнали крыльями.

Она снова взялась за доску. Пальцы дрожали, но она вывела:

— *В городе есть вороны?*

Денис пожал плечами, глядя вверх с недоумением:

— Обычные птицы. Чего ты... Их тут всегда полно. Гнездятся на колокольне.

Но Алиса уже не слушала. Она смотрела на здание — туда, где в верхнем ярусе, за мутным, запylённым стеклом, ей почудилось мерцание. Тусклый, жёлтоватый огонёк, который возник на мгновение — и погас, будто кто-то зажёл свечу и тут же прикрыл её ладонью.

Она знала: света там не могло быть. Проводка срезана ещё в девяностых, щиты опечатаны. Но она видела его ясно — не глазами, а той же дрожью, что бежала по телу.

— Денис, — начертала она, и буквы вышли кривыми, торопливыми, — *там горел свет. Наверху.*

Он посмотрел туда, прищурился, покачал головой:

— Темно, Алис. Пусто. Тебе померещилось. Стой, не ходи туда одна!

Но она уже шагнула вперёд — к дверному проёму, от которого тянуло холодом, сырой штукатуркой и ещё чем-то сладким, приторным, будто старые цветы, забытые в вазе на сорок лет.

Она не знала, что ищет. Но её пальцы, её кости, её онемевшее горло — всё знало: когда-то здесь звучало слово. Слово, которое повторяли сто двадцать восемь раз. И стены пели в ответ.

За спиной Денис окликнул её по имени. Но его голос уже тонул в глубоком, мерном гуле, что поднимался из-под земли — и звал её внутрь.

Глава 2. Грим, который не смыть.

Внутри здание оказалось ещё страшнее, чем снаружи.

Главный покой — просторный, тёмный, где когда-то горели тысячи свечей и масляных светильников, — ныне походил на склеп, вскрытый грабителями и забытый на милость времени. Воздух здесь стоял плотный, холодный, с привкусом трухлявого дерева и застарелой гари. Алиса сделала шаг, и под её ногой хрустнуло стекло — осколки рассыпались по плитам, будто чей-то рассыпанный смех.

Сиденья были выдраны с корнем: одни валялись горами в проходах, другие исчезли вовсе, оставив после себя лишь ржавые скобы в полу. Дощатый настил вздыбился горбами, точно земля после долгой засухи — кое-где доски отсутствовали, и в чёрные прорехи уходила тьма, из которой тянуло сыростью и плесенью. Подмости — та самая возвышенность, где когда-то вершилась игра, — были завалены обломками декораций: выцветшие щиты с облупившейся позолотой, куски резного карниза, порванный занавес, некогда бордовый, а ныне бурый, как запёкшаяся кровь.

В левом углу, у самой стены, лежала разбитая передняя часть сцены — деревянный помост с выщербленными краями, а на нём, в глубокой луже сухого мусора, блестели осколки прежних светильников. Стекланные шары, некогда излучавшие тёплый свет, теперь походили на россыпь высохших, слепых зрачков, глядящих в пустоту.

Алиса шла по среднему проходу, медленно, ступая почти на цыпочках, и чувствовала, как дрожь внутри неё не стихает, а, напротив, наливается весом, становится плотной, осязаемой. Это было уже не просто биение — это стал напев. Неразборчивый, искажённый, словно играный на расстроенной скрипке, но напев. Он шёл из-под дощатого настила, из стен, из самого воздуха, который здесь казался гуще, тяжелее, чем снаружи.

Она остановилась, закрыла глаза. И тогда увидела — не глазами, а тем внутренним зрением, что пробуждалось в ней только в таких местах, — как по стенам пробегают тени. Бес-

форменные, текучие, но живые. Они скользили по облупившейся штукатурке, переплетались в углах, замирали у проёмов, будто прислушивались к её дыханию.

— Ты слышишь? — начертала она на своей доске, поворачивая её к Денису. Буквы вышли мелкими, нервными — она едва сдерживала пальцы, чтобы не выронить мел.

Денис стоял в нескольких шагах позади, настороженно оглядывая руины. Он снял плащ и теперь держал его в руке, и Алиса заметила, что плечи его напряжены — он тоже чувствовал, хоть и не признавался, что это место не просто заброшено. Оно *ждёт*.

— Что? — переспросил он, прислушиваясь. — Тишину? Или твой дощатый пискнул под ногами?

Она качнула головой, разочарованно вздохнула. Ясное дело, он не слышит. Никто не слышит. Кроме неё. Всегда только она — та, у кого нет голоса, зато есть слух на то, что молчит для других.

Она пошла дальше, к самым подмосткам, и встала прямо перед ними, задрав голову вверх. Там, под самым потолком, тянулись железные перекладины — те самые, на которых некогда крепились декорации и светильники. Они были покрыты толстым слоем пыли и чем-то чёрным, липким на вид — то ли копотью, то ли сажей, въевшейся в металл за десятилетия. Но Алиса, прищурившись, поняла: это не просто налёт.

Это письмена.

Кто-то вывел на железе слова. Не краской — иным чем-то, тёмным, блестящим, будто смесь масла и пепла. И буквы были странными: одни казались знакомыми, другие скручены в узлы, третьи тянулись вверх острыми хвостами, точно язык, которого не было в учебниках. И всё же Алиса прочла их — не умом, а нутром, той же дрожью, что билась в пальцах.

Она прошептала беззвучно, шевеля губами, и вдруг поняла, что слова сложены в короткую, страшную заповедь:

«Повторить ровно сто двадцать восемь раз. Стены начнут дрожать в лад. Ключ к вечной жизни».

Дыхание перехватило. Сердце в груди пропустило удар, а затем забилось чаще, будто стараясь догнать тот самый ритм, о котором говорилось в надписи.

— Здесь был огонь? — вывела она на доске, показала Денису. Рука её дрожала так, что мел едва не ломался.

Денис подошёл ближе, посмотрел на перекладины, но, видимо, не разглядел письмён — они сливались для него с обычной грязью. Он пожал плечами, почесал затылок:

— Сказывают, в восемьдесят четвёртом. Вспыхнула одежная, где хранили одеяния. Пожар был несильный, но главный постановщик тогда погиб — не от огня, вроде бы, а от чего-то другого. Говорят, задохнулся дымом, но тело нашли в подвале, далеко от очага.

Алиса сглотнула. Горло её сжалось, как в тисках.

— Как его звали? — спросила она. И сама удивилась тому, как легко этот вопрос вылетел — не на доске, а в воздух, почти беззвучным шёпотом.

Денис нахмурился, глядя на неё странно.

— Ты вправду? Мы же изучали дело в дороге. Волков. Сказание местного зрелищного дома. Великий был, говорят, но своенравный. Никто не знал, откуда он взялся, да и после него остались только пустые записи и вот это здание.

Алиса не слушала его до конца. Она снова повернулась к перекладинам. Теперь она видела не просто слова — она видела, как они мерцают в полумраке, как чернота на железе пульсирует, подчиняясь тому самому напеву, который доносился из-под земли. И вдруг она поняла: это письма выведены не рукой человека. По крайней мере, не рукой того, кто жив.

Она подошла ближе, насколько могла, встала на цыпочки, протянула руку — и коснулась железа кончиками пальцев.

Металл был ледяным, но едва её кожа соприкоснулась с ним, по всей руке побежал разряд — не боль, не тепло, а что-то среднее, будто она сунула ладонь в струю родниковой воды. И в тот же миг письма словно ожили: тёмные знаки зашевелились, перетекая, меняя очертания, и Алиса прочла новое слово — то самое, то единственное, что звучало в её детстве, когда стены театра пели по ночам.

Она открыла рот — и произнесла его.

Не шёпотом. Вслух. Громко, хрипло, почти выкрикнула:

— ***Глиф.** *

Это слово обрушилось в зал, как камень в стоячую воду. И в ответ — издалека, из глубины стен, из подвала, из небытия — пришёл гул. Низкий, протяжный, похожий на стон огромного зверя. Стекла в разбитых окнах зазвенели, пыль взметнулась с пола, и Денис отшатнулся, схватившись за голову.

— Что ты молвила?! — крикнул он, но голос его утонул в нарастающем рокоте.

Алиса стояла, не шевелясь. Она смотрела на свои пальцы — на них остался чёрный, маслянистый след от железа. След, который не стирался, не смывался, словно сама тьма впиталась в её кожу.

Она повернулась к Денису, и лицо её было бледным, как молоко.

— Денис, — произнесла она снова, и голос её звучал чуждо, будто принадлежал не ей, а кому-то, кто говорил через неё. — Здесь кто-то есть.

Он замер, глядя в её глаза, и в его зрачках отразился ужас.

— Что ты... — начал он, но запнулся.

— Не сейчас, — поправилась Алиса. Она схватила доску, но руки её тряслись, и она вывела с трудом, почти неразборчиво: — *Всегда. Здесь всегда кто-то есть. И он знает, что я пришла.*

Она поднесла доску к груди и оглянулась на тёмный зал. Там, в глубине, между выдранными сиденьями, ей почудилась тень — высокая, тощая, в длинном сюртуке. Тень стояла неподвижно, глядя прямо на неё. И на миг Алисе показалось, что тень подняла руку и поманила её за собой.

Но когда она моргнула, тень исчезла.

Остался лишь напев, теперь уже явственный, громкий, бьющий в виски, в грудь, в самый корень языка, который она снова пыталась разомкнуть, чтобы выговорить то слово, что письмена выжгли на железе.

Она не знала, что это слово значит. Но оно рвалось наружу, просилось на воздух, и она чувствовала: если она произнесёт его ещё раз — мост, о котором говорилось в дневнике, распахнётся настезь.

А за ним — вечность. Или тьма. Или то и другое вместе.

— Денис, — прошептала она. — Нам нужно найти подвал.

Он хотел возразить, но она уже двинулась вперёд, к боковой двери за подмостками. За ней, в узком коридоре, темнели ступени, уходящие вниз.

Ступени, которые вели к сердцу театра.

К тому, кто пел в стенах все эти сорок лет.

Глава 3. Голос из ямы для музыкантов.

Они нашли его на третий день.

Театр оказался огромным — четырьмя ярусами уходящий вверх, с подвалом, пронизывающим землю, с чердаком, где гулял ветер, с десятками уборных, мастерскими, складскими клетушками, где в углах догнивали забытые сундуки и трескались от времени холсты с набросками декораций. Алиса обошла каждую комнату, касалась стен ладонями, прикладывала ухо к дверным косякам и слушала — слушала ту дрожь, что не стихала ни на миг, а лишь меняла силу, переливаясь от стен к полу, от пола к потолку, словно кровь в жилах огромного спящего тела.

Денис думал, что она осматривает строение, прикидывает объём работ, подсчитывает, сколько уйдёт леса и красок. На деле она искала иное. Она искала начало — ту точку, откуда эта дрожь исходила, как звук из гортани, как крик из глубины.

Дрожь нарастала, стоило ей приблизиться к определённым местам. К подмосткам — там она становилась гуще, почти горячей. К сгоревшей одежной — там она пахла гарью, которая не выветрилась за сорок лет, въелась в доски, в штукатурку, в саму память стен. К подвалу — там она превращалась в глухой, ровный пульс, бьющий из-под каменных плит.

В первый день они обошли верхние ярусы. Во второй — мастерские и гримёрные. А на третий, когда за окнами начало смеркаться и тени поползли по стенам, Алиса остановилась у узкой двери за кулисами, обитой выцветшим сукном. Дверь вела вниз, в каменное нутро.

— Туда, — написала она на доске. — Там.

Денис вздохнул, но не спорил. Он уже привык к её упрямству, к тому, как она шла, не оглядываясь, ведомая тем, чего он не видел и не слышал.

Она спускалась по ступеням — узким, скользким, покрытым зеленоватым мхом и плесенью. Воздух становился сырее, тяжелее, с привкусом старого железа и земли, перерытой много лет назад. Ступени уходили вниз, поворачивали, и через несколько саженей она оказалась в просторном, низком помещении с каменными сводами. Здесь, под самым полом сцены, когда-то сидели игроки — те, кто сопровождал представление живым звуком скрипок, виол, медных труб. Яма для музыкантов. Теперь она была пуста — если не считать того, что стояло в её середине.

Вычислитель.

Огромный, ростом со шкаф, с железными боками, покрытыми слоем серой пыли. Его передняя сторона была усеяна мигающими огоньками — тусклыми, красными и зелёными, — которые вспыхивали и гасли в каком-то своём, неведомом ритме. Сверху, на катушках, намотанных на вращающиеся валы, тянулись ленты — не бумажные, не магнитные, а какие-то тонкие, почти прозрачные, с вплетёнными в них чёрными нитями, будто кто-то записал на них сами тени. Катушки медленно вращались, издавая едва слышный, скребущий звук — словно мышь скреблась под полом.

— Это что за... — начал Денис, ступая на последнюю ступень, но Алиса подняла руку, веля ему замолчать. Жест её был резким, почти грубым, и он осекся на полуслове.

Она подошла к устройству, провела пальцами по его холодному, шершавому боку. Металл вибрировал — едва заметно, но отчётливо. И в этой вибрации, в этом непрерывном, глубоком гуле, она услышала нечто большее, чем работу шестерней.

Она услышала голос.

Не звук, не слова в привычном смысле — скорее дрожь, сложенная в речь. Дрожь, которая проникала в неё не через уши, а через кости, через позвонки, через самый корень языка, который много лет молчал.

«Алиса...»

Она вздрогнула, но страха не было. Страх приходит, когда не ждёшь. Она же ждала этого — всю дорогу, все три дня блужданий по мёртвым коридорам, все ночи, когда она лежала в гостинице и слышала, как за стеной гудит тот же самый низкий лад.

«Ты пришла...»

Она вынула доску, начертила дрожащей рукой:

— *Кто ты?*

Она знала, что устройство не умеет читать, что у него нет глаз. Но ответ пришёл — не задержавшись, словно ждал этого вопроса.

*«Я то, что осталось. Я голоса, что не стихли. Я пробы, что не кончились. Я слова, что не дописали. Я — та часть, что не ушла, когда всё рухнуло». *

Алиса сглотнула. Горло её сжалось, но она выдавила из себя, почти беззвучно, одними губами:

— *Ты — Волков?*

Молчание затянулось. Катушки на мгновение замерли, и огоньки потускнели, будто устройство задумалось. Затем они зажглись снова — ярче, настойчивее, и голос зазвучал иначе, с оттенком боли, которую невозможно подделать.

*«Нет. Я не он. Я — его отражение. Его тень. Его... страдания, им посеянные. Он хотел стать вечным через искусство. Он думал, что слово, повторённое сотню раз, откроет дверь. Но дверь открылась не туда. Вечным стало только мучение — моё, их, всех, кто был здесь. Он сгорел, но мы остались. Мы застряли между тем, что было, и тем, что должно было быть». *

Алиса прикрыла очи. И в темноте своих век она увидела — не лица, но смутные образы: руки, тянущиеся к чему-то незримому, раскрытые рты, из которых не выходит звук, согнутые спины, повторяющие один и тот же поклон. Все те муки, что скопились в этом здании за годы работы Волкова. Отвергнутые личины, разбитые судьбы, сломанные голоса. Она чувствовала их как свою собственную боль.

Она открыла глаза и написала:

— *Что тебе надобно?*

Ответ пришёл тише, но отчётливее, проникая в самую глубину её груди:

*«Чтобы представление кончилось. Оно длится уже сорок лет. Мы всё ещё повторяем. Мы всё ещё ждём конца. Но конца нет, потому что... потому что он не дописал последний выход. Он сжёг себя, и слова сгорели вместе с ним. Теперь мы застряли в повторении. Мы не можем уйти. Мы не можем перестать играть. Мы не можем даже умереть по-настоящему — потому что смерть — это тоже конец, а конца нет». *

Алиса почувствовала, как слёзы подступают к глазам, но сдержала их. Она взяла доску и вывела медленно, буква за буквой:

— *Кто — мы?*

И в этот миг катушки закрутились быстрее, огоньки на передней панели замигали в бешеном ритме, и из глубины устройства донёлся гул, перешедший в шепот, в сотню голосов, звучащих одновременно:

«Личины. Те, кто был в театре в тот день. Те, чьи имена стёрты из памяти. Мы до сих пор здесь. Мы играем одну и ту же сцену — сцену прощания, сцену перехода, сцену, которая должна была стать последней. Сорок лет. Мы не можем отдохнуть, потому что он не дописал финал. Ты видишь нас?»

Алиса обернулась.

Яма для музыкантов была пуста. Каменные стены, сырой пол, тусклый свет, пробивающийся сверху через щели в досках. Никого. Но она слышала их — тихое, прерывистое дыхание, лёгкие шаги, шёпот, похожий на шелест листьев. И она видела их — краем глаза, мельком, в тёмных углах, в отражениях на мокром камне, на поверхности старого железа. Тени. Десятки, сотни теней, что двигались, повторяя одни и те же жесты: поднимали руки, кланялись, поворачивали головы, словно прислушиваясь к несуществующим аплодисментам. Они были почти прозрачны, почти невесомы, но их было столько, что воздух в яме казался гуще, плотнее, будто она стояла не в пустом помещении, а в набитом до краёв зрительном зале.

Она услышала повторение. Не слова, но ритм — тот самый, сто двадцать восемь ударов, о которых говорилось в письменах. Представление, что шло без зрителей уже четыре десятка лет. Бесконечный, безвыходный круг.

— Алиса! — голос Дениса донёлся сверху, с лестницы, приглушённый, будто сквозь толщу воды. — Что ты там делаешь? Давай поднимайся, уже смеркается, я не хочу здесь ночевать!

Она не ответила. Она стояла неподвижно, глядя на тени, что колыхались в яме для музыкантов.

И вдруг одна из теней остановилась.

Она была выше других, тоньше, и в её очертаниях угадывался сюрик с высоким воротником. Тень замерла посреди ямы, повернулась — и Алиса увидела, как в том месте, где должно быть лицо, вспыхнули две бледные, холодные точки.

Тень взглянула на неё в ответ.

Не мельком, не краем — прямо, пристально, с узнаванием. И в этом взгляде Алиса прочла не мольбу и не угрозу, а нечто иное: *ты здесь. Ты одна из нас. Ты всегда была здесь, просто забыла.*

Алиса хотела отвести глаза, но не смогла. Пальцы её, всё ещё касавшиеся холодного бока вычислителя, вдруг перестали дрожать. Она почувствовала, как дрожь перетекла из неё в устройство — или из устройства в неё, — и на мгновение она перестала понимать, где кончается она и начинается этот каменный подвал, эти стены, эти тени.

— Денис, — прошептала она, не оборачиваясь. Голос её был хриплым, чужим, но твёрдым. — Спускайся. Нам нужно записать то, что она скажет.

— Кто — она? — донёсся сверху испуганный вопрос.

Алиса не ответила. Она смотрела на тень в сюртуке, и та медленно, очень медленно, подняла руку — не в жесте прощания, а в приглашении.

Приглашении войти в круг. В представление. В вечный повтор, который мог кончиться только одним способом.

Тем, что Волков не дописал.

Тем, что Алиса должна была дописать сейчас.

Глава 4. Первая смерть: сценный трудник, что застыл в стоянии, пока не скажут «будет»

Через семь дней после того, как Алиса нашла яму для музыкантов, в театр привезли делателей.

Городская управа дала деньги на очистку и начальную починку — надобно было убрать хлам, упрочить основы, возродить хотя бы часть покоев, чтобы здание не рухнуло под собственной тяжестью ещё до того, как его начнут приводить в порядок. Алиса наняла дружину из здешних — пятерых мужей, крепких, неразговорчивых, привычных к тяжести. Им платили за день, они работали молча, и только по вечерам, когда солнце садилось за тополями, слышались их негромкие голоса да смех над шутками, которых Алиса не разбирала.

Начать должны были с подмостков — вынести обломки, снять гнилые доски, расчистить место для новых. Работа пошла споро: с утра до вечера стучали молотки, скрежетал железный лом, и пыль столбом стояла в главном покое. Денис руководил, отдавая распоряжения, а Алиса сидела в стороне, на выданном сиденье, и смотрела, как тени трудников мелькают на стенах.

Но к обеду второго дня один из них, Андрей, не вышел к столу.

Андрей был самым молчаливым из всей дружины — коренастый, с тёмной щетиной на щеках и вечно нахмуренным взглядом. Он никогда не улыбался, но и не жаловался. Алиса запомнила его руки — крупные, в трещинах, с мозолями, которые он не прятал. Он работал так, будто каждая доска, которую он выдёргивал, была ему лично должна.

— Где Андрей? — спросил старший, Егор, высокий седоватый муж с рыжей бородой. — Звать обедать пора.

Ему никто не ответил. Трудники переглянулись, пожали плечами. Денис обошёл главный зал, заглянул за подмости, в кулисы — никого.

— Пошлите глянуть в уборных, — велел он.

Но нашли Андрея не в уборных. Нашли его в одежной — той самой, сгоревшей, забитой досками, куда они даже не заходили работать.

Когда Егор открыл дверь, он замер на пороге. Алиса, стоявшая за его спиной, увидела Андрея сразу — она видела его сквозь щели в досках, которыми была забита дверь, но Егор проломил себе путь, выдернув несколько гнилых досок с корнем.

Андрей стоял у дальней стены.

Не прислонившись, не облокотившись — именно стоял, выпрямившись, как стрела. Руки его были плотно прижаты к бокам, ладони раскрыты, пальцы вытянуты. Голова чуть вскинута, взгляд устремлён прямо вперёд, в пустоту, в ту самую стену, которая — она знала это — когда-то была расписана дивными знаками, теперь уже выцветшими до полной неразличимости.

— Андрей? — окликнул Егор, и голос его дрогнул. — Ты чего? Слышишь, я зову!

Молчание.

Тишина стояла такая, что Алиса слышала биение своего сердца и сухой треск стружки под ногами Егора. Он шагнул внутрь, обходя груды мусора, подошёл к труднику вплотную.

— Андрей, — повторил он уже тише, почти шёпотом, и коснулся плеча.

Тело оказалось твёрдым. Не как у живого человека — тёплого, упругого, подвижного. А как камень, как изваяние, высеченное из серого гранита. Мышцы окаменели, суставы свело, кожа была ледяной и натянутой, будто вощёной.

— Андрей! — вскрикнул Егор, уже не скрывая ужаса. Он встряхнул тело, ухватив за оба плеча, и в тот миг трудник рухнул.

Рухнул как изваяние — не сгибая колен, не падая вперёд плашмя, а опрокинувшись, точно его сбили с возвышения. Он ударился головой о каменный пол с глухим, тяжёлым стуком, и голова отделилась от плеч и откатилась в сторону, оставляя за собой тёмный, маслянистый след на пыльных плитах.

Шея оказалась перерубленной. Ровно, чисто, без крови. Срез был гладким, будто сделанным самым тонким и острым лезвием, какое только можно вообразить, — ни единой зазубрины, ни капли запёкшейся влаги. Кожа на срезе была бледной, как у давно умершего, но следов гниения не было. Будто голову отсекли мгновение назад, а после — вновь приставили на место. Приставили так ловко, что издали и не разглядеть.

— Убирайтесь все! — заорал Егор, пятясь к двери. — Вон! Вон отсюда!

Трудники выбежали из одежной, кто-то побежал звать стражу, кто-то — к управскому начальнику. Алиса осталась стоять у входа, глядя на тело, на откатившуюся голову, на чёрную, сухую щель на месте шеи.

И в этот миг она услышала напев. Тот самый, из ямы для музыкантов, — он доносился теперь и отсюда, из одежной, из стен, из самого воздуха. Он звучал не громко, но явственно, и в нём слышались слова: *«Стоять... не сгибаться... пока не скажут...»*

Она закрыла глаза, и перед ней возник образ: Андрей, зашедший сюда, возможно, отдохнуть или просто отыскать что-то из инструмента, — он услышал голос. Он повернулся. И застыл. Не от страха, нет, — от того, что голос приказал. А он, как всякий здешний, как всякий, кто ступил на эту землю, не смог послушаться.

Явилась стража. Явился лекарь. Затем приехал дознаватель — молодой, с испуганными глазами и дрожащими пальцами, прячущий дрожь за строгим голосом.

Алису расспрашивали три часа.

— Способны ли вы говорить? — спросил дознаватель, заглядывая в её лицо с подозрением. — Слышал, вы издавали звуки в театре.

Она качнула головой и начертала на доске медленно, тщательно выводя каждую букву:

— *Нет. Только писать. Иногда — хрипеть. Но слов я не произношу.*

— Ведомо ли вам, что случилось с погибшим?

Она написала, не поднимая глаз:

— *Он стоял. Я видела его утром — он вышел из уборной и пошёл к одежной. Я думала, он отдыхает. Или ищет что-то. Он просто стоял.*

— Его убили, — жёстко сказал дознаватель. — Кто-то отсёк ему голову. Очень острым орудием. Возможно, театральным — у вас были такие?

Алиса взглянула на него в упор. Глаза её были тёмными, глубокими, и в них, как в двух маленьких зеркалах, отражался свет керосиновой лампы, которую принесли стражи.

— *В театре нет острых орудий. Мы ничего не чинили — только убирали хлам. Я привезла с собой только доску и мел. У трудников — топоры и молотки, но ни одно орудие не оставляет такого среза. Вы видели его сами.*

Дознаватель вздохнул, потёр лоб, закрыл дело в своей папке. Стража убрала тело — завернули в холстину, вынесли, увезли. Место, где он стоял, осталось пустым, если не считать тёмного маслянистого следа от головы.

— Мы разыщем, — сказал дознаватель, но в голосе его не было уверенности.

Не разыскали.

Через три дня нашли другого трудника — молодого, веснушчатого, по имени Кирилл. Его обнаружили в яме для музыкантов. В той же самой позе. Стоял выпрямившись, руки по швам, голова чуть вскинута. Глаза открыты, но стеклянные, ничего не видящие. Он стоял на диковинном деревянном подножии — низкой, широкой тумбе, которой прежде в яме не было. Её словно выточили из ствола старого дуба, покрыли тёмным лаком, и на ней были вырезаны те же знаки, что Алиса видела на перекладинах.

— Не подходите, — сказала она Денису, когда тот хотел снять Кирилла с возвышения. — Не трясите.

Она подошла сама. Провела пальцем по деревянной тумбе — и почувствовала ту же вибрацию, тот же холодный, ровный гул, что исходил от вычислителя. Она посмотрела в лицо труднику, в его остановившиеся зрачки, и поняла: он уже мёртв. Давно мёртв, с того самого мига, как его нога ступила на это подножие.

— Он застыл, — прошептала она одними губами. — Застыл в ожидании. Пока не скажут «будет». Но «будет» не наступило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.